

и даже И. Бродский. Ритмическая структура произведений становится классичнее, строфическая «лесенка» теряет свою функциональность. Предчувствие смерти освобождает поэта от излишней дидактичности и агитационности, насыщая его поэзию высокой простотой, трагической ясностью и элегичностью: «Из того, что довелось мне сделать, / Выдохнуть случайно довелось. / Может, наберется строчек десять... / Хорошо бы, / Если б набралось» (**«Никому из нас не жить повторно...»**).

Р. переведил мн. зарубежных (Ф. Албу, М. Ангелова, Го Бо-Сена, Р. Зоговича и др.) и советских поэтов (В. Коротича, Р. Гамзатова, И. Нонешвили и др.). Благодаря усилиям Р. как секретаря правления СП вышел в свет первый (в СССР) сб. стихов В. Высоцкого «Нерв» (1981) с предисл. Р.

Соч.: СС: в 3 т. М., 1985; Стихотворения. М., 1988; Бессонница. М., 1991; Последние стихи Роберта Рождественского / подгот. А. Киреевой. М., 1994; Лирика. М., 1995.

Лит.: Смеляков Я. Молодая поэзия нового времени // Москва. 1962. № 12; Гусев В. Рентабельность мысли // Подъем. 1966. № 6; Михайлов Ал. Тайны поэзии // Октябрь. 1979. № 7; Мальгин А. Роберт Рождественский: Очерк творчества. М., 1990.

В. А. Прокофьев

РОЗАНОВ Василий Васильевич [20.4(2.5). 1856, Ветлуга Костромской губ. — 5.2.1919, Сергиев Посад] — эссеист, философ, лит. критик.

После ранней смерти отца (1861) большая семья Р. переехала в Кострому, на родину матери, где жила в условиях крайней нужды. Р. учился в Костромской (1868–70), затем в Симбирской гимназии (1870–72), заканчивал гимназический курс в Нижнем Новгороде (1872–78). Учился Р. плохо, дважды оставался на второй год; при этом был «нигилист во всех отношениях» (В. В. Розанов: Pro et contra. Т. 1. С. 38). Атмосфера несчастного детства ярко передана Р. в автобиографических высказываниях. «Выходец из мерзости запустения» — так определил он свое «социальное происхождение» (Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 566).

В 1878–82 Р. учился на историко-филол. ф-те Московского ун-та. Студентом 3-го курса женился на А. П. Суловой, известной в прошлом близкими отношениями с Ф. М. Достоевским, однако брак оказался бездетным и крайне неудачным. Впоследствии, из-за нежелания Суловой дать развод,

второй брак Р. считался по церковному законодательству недействительным, а дети — «незаконнорожденными». Семейная драма способствовала углублению Р. в вопросы таинства брака, взаимосвязи религии и семейной жизни, ставшие стержнем его творчества. В университетские годы воззрения Р. претерпели изменения — усиление консервативных настроений сочеталось с приходом к вере. После окончания ун-та Р. работал учителем истории и географии в Брянской прогимназии (т. е. гимназии с неполным курсом, 1881–87), Елецкой гимназии (1887–91) и прогимназии в г. Белом Смоленской губ. (1891–93).

Первая книга Р. — изданное им на собственные средства, сэкономленные от скромного учительского жалования, фундаментальное философское сочинение **«О понимании»** (1886). Вопреки честолюбивым ожиданиям автора, практически книга не обратила на себя внимания. Одновременно с этой неудачей его навсегда покинула А. П. Сулова, после чего (в 1897) Р. перевелся в Елец, где женился на В. Д. Бутягиной (урожденной Рудневой), вдове из священнической семьи, отличавшейся глубокой религиозностью, скромностью и высокой нравственностью. Этот брак (с тайным венчанием) был счастливым и многодетным, однако то, что он считался «гражданским», крайне омрачало Р., все его попытки добиться развода или признания брака законным не увенчались успехом.

В годы гимназического преподавания Р. вступил в переписку с крупными представителями русского консерватизма — Н. Н. Страховым, К. Н. Леонтьевым и С. А. Рачинским. Эти «лит. изгнанники», особенно Страхов, оказали заметное влияние на формирование его творческой личности. Весной 1893 Т. И. Филиппов — государственный контролер и известный славянофил-меценат, собравший при своем ведомстве целый кружок православных писателей, организовал перевод Р., крайне тяготившегося учительской работой, в Петербург, обещая ему место чиновника в Гос. контроле и условия для занятий творческим трудом.

Однако ввиду того, что отношения с Филипповым сразу не сложились, жалование Р. оказалось крайне скудным и семья жила буквально впроголодь. Р. был вынужден, помимо бесконечного чтения статистических отчетов, постоянно писать для печати из-за острой нужды.

Первая значительная творческая удача Р. — книга **«Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского»** (1894). Досто-

В. В. Розанов

евский — духовно наиболее близкий Р. писатель (критики отмечали не только явное творческое влияние Достоевского на Р., но и сходство его личности с персонажами Достоевского — от «подпольного человека» до Федора Карамазова). Исследование Р. было одной из первых работ о Достоевском, в которой глубокий эстетический анализ сочетался с религиозно-мистическим подходом.

Мн. статьи Р. этого времени, как следствие изнурительной, поспешной работы ради заработка, отмечены неуравновешенностью, крайней категоричностью «ультраконсервативных» заявлений. В творчестве впечатлительного, порывистого Р. интуиция играла несравненно большую роль, чем знания, и жизненные условия оказывали сильное влияние на тональность его сочинений. Р. писал впоследствии, что считает свои первые годы в Петербурге безнадежно испорченными в лит. отношении. Так, статья **«Свобода и вера»** (Русский вестник. 1894. № 1) подверглась сокрушительной критике философа Вл. С. Соловьева, назвавшего Р. «Иудушкой Головлевым» (позже Соловьев придет познакомиться с Р., и у них на время установятся вполне дружеские отношения). После статьи **«По поводу одной тревоги графа Л. Н. Толстого»** (1895) за резкость нападок на живого классика и фамильярное обращение к нему на «ты» на Р. ополчились и либералы,

и консерваторы. Р. приобрел репутацию яркого-мистика, одиозно-фанатичного, хотя и бойкого публициста консервативного лагеря. Не сложились у Р. отношения и с филипповским писательским кружком эпигонов славянофильства ввиду догматизма и бездарности этих литераторов. Тяжелые материальные условия, недовольство кружком «славянофилов», «незаконнорожденность» детей по сугубо формальным, как считал Р., причинам, а также влияние эстетизма К. Н. Леонтьева — все это привело Р. около 1897 к бунту против христианства.

Постепенно Р. разрывает с консервативной печатью и сближается с символистами-«богоискателями» во главе с Мережковским, начинает участвовать в ж. С. П. Дягилева и А. Н. Бенуа «Мир искусства». В 1899–1900 выходят в свет 4 сб. статей Р.— **«Сумерки просвещения»**, **«Литературные очерки»**, **«Религия и культура»**, **«Природа и история»**, подводящие итог консервативного периода его творчества. Завершение раннего этапа в творчестве Р.— поступление его в 1899 в штат газ. А. С. Суворина «Новое время», где он сотрудничал до ее закрытия в 1917, а также переезд на новую квартиру (Шпалерная 39, кв. 4), которая становится одним из важных мест встреч петербургской интеллигенции Серебряного века.

В 1901 Р. совершает путешествие в Италию. Его стилистически прихотливые, отмеченные зоркостью и свежестью восприятия путевые очерки, впоследствии вошедшие в книгу **«Итальянские впечатления»** (1909), привлекли к себе внимание читателей и критики. Манера выражения Р. становится на рубеже веков более свободной и образной. Раскрепощению Р. как художника слова способствовало сотрудничество в ж. «Мир искусства» с его культом эстетики и индивидуализма. По содержанию эссе Р. отличались крайней остротой постановки волнующих каждого проблем семьи, религии, образования, причем даже бытовые по тематике, чисто публицистические очерки Р. приобретали философскую глубину благодаря его умению подчеркнуть связь повседневных вещей с их метафизическими и мистическими корнями, с «мирами иными». По мере нарастания отчуждения Р. от христианства как аскетической религии, несовместимой, по его мнению, с радостями семейной жизни, росло не только увлечение Р. древними языческими религиями и иудаизмом, но и тяготение к мистике пола.

Мережковский в книге «Лев Толстой и Достоевский» (1901–02) отозвался о Р. как о ге-

ниальном противнике христианства, «русском Ницше», и этот отзыв очень способствовал росту его популярности. В книге Р. **«В мире неясного и нерешенного»** (1901) ясно выразилось новое, мистическое направление исканий писателя в сфере взаимоотношений религии и пола. Эта тема получила развитие на получивших широкую известность Религиозно-философских собраниях (1901–03), организованных представителями т. н. «нового религиозного сознания», в т. ч. и Р., при участии священнослужителей. Выступления Р. на собраниях были одними из самых острых и интересных. Рупором идей Религиозно-философских собраний стал ж. «Новый путь» (1903–04), где Р. вел постоянную рубрику с характерным названием «В своем углу».

Пафос двухтомника статей **«Семейный вопрос в России»** (1903) — в защите семьи и религиозном оправдании пола как основы брака. Но если эти очерки посвящены преимущественно практическим вопросам, то в др. своих очерках и докладах, читавшихся на Религиозно-философских собраниях, Р. для подтверждения обоснованности своих разочарований в христианстве апеллировал к религиозно-мистической аргументации. Хотя Р. получил известность как противник христианского аскетизма, однако его отношение к православию, к Церкви было сложным и изменчивым (но никогда — равнодушным): притяжение к Церкви и отталкивание от нее стало двумя полюсами его крайне противоречивой души. Так, он писал в **«Уединенном»** (1912): «Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле. Боже, какое безумие было, что лет 11 [т. е. около 1897–1908 гг. — В. Ф.] я делал все усилия, чтобы ее разрушить...» (Соч. Т. 2. С. 271). Одновременно с разрушительными, антихристианскими статьями Р. писал в начале века и очерки с более положительным отношением к Церкви — они составили сб. **«Около церковных стен»** (В 2 т. 1906). Политические взгляды Р. также отличались непоследовательностью, даже двойственностью.

В годы первой русской революции симпатизировал происходящим волнениям, вступил в переписку с М. Горьким, намеревался уйти из «Нового времени». По договоренности с Сувориным стал помещать свои более «левые» статьи в либеральной московской газ. «Русское слово» (под псевдонимом В. Варварин). Выпуск Р. книги статей о революции — **«Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.»** (1910) — вызвал резкие протесты либеральной интеллигенции

(П. Б. Струве, А. В. Пешехонов, К. И. Чуковский), т. к. ко времени опубликования этих очерков, написанных с явной симпатией к революционным событиям, во взглядах Р. произошло заметное изменение — около 1908–09 он сильно «поправел» и стал выступать с крайне жесткой критикой революционного движения. После полемики со Струве и Чуковским в либеральной прессе за Р. закрепилась репутация беспринципного писателя. Однако Р., стремившийся «разрушить политику», полемические противопоставлял узкопартийной однобокости либеральных писателей свой метод совмещения разных точек зрения на предмет, утверждая, что это способствует более полному постижению изменчивой реальности.

В 1911 вышли в свет две самые важные в идейном отношении, по мнению самого Р., книги — **«Темный Лик»** и **«Люди лунного света»**. Хотя они и направлены против христианского аскетизма, Р. не покидает религиозно-мистических позиций, и это позволяет ему особенно глубоко проникнуть в таинственную сферу взаимоотношений религии и пола. В творчестве Р. Бог и пол неразрывны. Пристальное внимание Р. к вопросам взаимосвязи духовности и пола привело его к неожиданному выводу, что значительную роль в истории культуры играли т. н. «люди лунного света» — равнодушные к противоположному полу, не склонные к супружеской жизни. Смелое, порой шокирующее своей откровенностью обращение Р. к интимным сторонам жизни в связи с религией позволило ему приоткрыть завесу над мн. иррациональными тайнами человеческой жизни. Р. вошел в историю русской мысли прежде всего как философ, утверждавший религиозную сущность пола. Вывод Р. о значении пола в жизни человека заставляет вспомнить о близких открытиях в сфере бессознательного его современника З. Фрейда, хотя между ними не было никаких контактов и их взгляды на пол принципиально различны.

Совершенно особый этап в творчестве Р. открыла его книга **«Уединенное»** (1912). Собранные в этой книге крайне интимные заметки (она имеет подзаголовок «на праве рукописи») в сочетании с ярко индивидуальными публицистическими оценками, лирическими записями, философскими размышлениями образуют небывалый сплав мысли, факта и образа и представляют собой новый вид литературы, стоящий на грани философии, художественной прозы (временами — и поэзии) и публицистики. При этом Р. нарочито эпатировал читателей необычайной обнаженнос-

тью своего внутреннего мира. «Такой книги нельзя быть», — писала об «Уединенном» З. Гиппиус (Крайний А. Литераторы и литература // Русская мысль 1912. № 5. С. 29–31). К тому же книга была полна нападок на революционное движение, что вызвало негодование либерального лагеря. При этом, однако, у нее имелись и несомненные достоинства: глубокая жизненность мн. заметок Р., его редкое умение схватить мимолетные мысли и переживания и необычайно ярко воссоздать пролетающие мгновения в конкретно-чувственных образах, неподдельная взволнованность автора, невольно заражающая читателя. Неудивительно, что книга, подвергшаяся осмеянию в прессе, вызвала одобрение в письмах к Р. более независимых в суждениях творческих личностей (М. Горький, М. О. Гершензон и др.). В 1913 Р. выступил со второй аналогичной книгой — «**Опавшие листья**». Именно эти книги необычного жанра вместе со 2-м томом («коробом», как называл его Р.) «Опавших листьев» (1915) обеспечили Р. репутацию не только публициста и мыслителя, но и видного писателя, яркого стилиста. При всей «неправильности» выразительного, самобытного стиля Р. как художник слова нередко удостоивался самых высоких похвал. Например, Н. А. Бердяев писал: «Литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе» (В. В. Розанов: Pro et contra. С. 255). Значение афористической документально-худож. прозы Р., близкой к дневнику или письму, для последующей лит-ры отмечали А. М. Ремизов, В. Б. Шкловский, М. М. Пришвин. Произведения Р. в жанре «опавших листьев» не только явились своего рода синтезом реалистических и модернистских тенденций, но и стали воплощением тенденции прозы XX в. к меньшей фабульности или даже отказу от сюжета при более глубоком раскрытии сложного внутреннего мира личности и усложненности художественных средств выражения. Лучшие качества прозы Р. позволяют поставить его в один ряд с крупнейшими писателями-новаторами конца XIX — начала XX в. Однако при жизни произведения Р. не получили заметного признания как из-за его вопиющей противоречивости, так и из-за идейной борьбы с политической оппозицией.

В 1914 в Религиозно-философском обществе состоялся «суд» над Р. за выражение негодования по поводу указа об амнистии революционерам-эмигрантам и др. крайне консервативные публикации, а особенно за поддержку в печати версии о ритуальном убийстве в связи с делом Бейлиса (мнение Р., считав-

шегося знатоком и поклонником иудаизма, было очень весомым). Хотя вместо резолюции об исключении из общества было принято решение о «невозможности совместной работы с Р.», в печати развернулась широкая кампания, книги Р. стали подвергаться бойкоту. Этой атмосферой в значительной мере объясняется издание Р. антисемитских брошюр и книги «**Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови**» (1914) (после революции он распорядился их уничтожить).

В вышедших во время Первой мировой войны брошюрах «**Война 1914 года и русское возрождение**» (1915) и «**В чад войны**» (1916) Р. связывал надежды на возрождение России с ростом в обществе интереса к прежде полузабытым славянофильским идеям, призывал к действенному патриотизму, клеймил либеральную интеллигенцию, постепенно перешедшую на пораженческие позиции.

С приходом Февральской революции, которую Р. первоначально приветствовал, положение Р. как сотрудника «реакционного» «Нового времени» резко осложнилось. В конце авг. 1917 Р. с семьей переезжает в Сергиев Посад — здесь было желание не только скрыться «с глаз долой», но и обрести духовное успокоение в кругу наиболее ему все же близких христиански настроенных мыслителей, прежде всего друга Р., отца Павла Флоренского.

Однако Октябрьская революция и последовавшие за ней разруха и голод вывели Р. из равновесия: в его душе неожиданно с огромной силой всплыли былые антихристианские, языческие настроения. Ярким свидетельством переживаний Р. в этот период стали периодические выпуски уникального по накалу трагических чувств «**Апокалипсиса нашего времени**» (1917–18). Р. придал революционным событиям форму вселенской катастрофы, крушения всей европейской цивилизации, христианской культуры. Вину за разрушение прежней России Р. вопреки логике возложил не на атеистов-революционеров, а на христианство и даже на Христа. С небывалой силой вырвавшийся у Р. апокалипсический «вопл» о гибели России стал одним из выразительных лит. свидетельств трагической революционной эпохи.

Через несколько лет даже либеральная интеллигенция, находясь в основном уже в эмиграции, не могла не признать правоту мн. его предвидений. Это изменение отношения к Р. проявилось в очерке З. Н. Гиппиус «Задумчивый странник» (1923), в котором дан выразительный творческий портрет писа-

теля. Очерк Гиппиус вместе с талантливой книгой А. М. Ремизова «Кукха. Розановы письма» (обе — 1923) — лучшее из того, что появилось в эмиграции о Р. В Советской России имя Р. было вытеснено из памяти. Однако сейчас Р. — один из наиболее популярных мыслителей и писателей Серебряного века.

В 1999–2000-е были впервые изданы книги Р. в жанре «опавших листьев»: «Сахарна» (1913), «Мимолетное» (1914–17), «Последние листья» (1916–17), а также полный вариант «Апокалипсиса нашего времени» (1917–18) и запрещенной цензурой книги «В темных религиозных лучах» (1909).

Соч.: Соч.: в 2 т. [прил. к ж. «Вопр. философии»] / сост. Е. В. Барабанов. М.: Правда, 1990; О себе и жизни своей / сост. В. Г. Сукач. М., 1991; СС: в 20 т. / под ред. А. Н. Николюкина. Изд. продолжается. М., 1994–2005; Соч. В. В. Розанова / под ред. В. Г. Сукача. М., 1994; Иная земля, иное небо... Полное собр. путевых очерков. 1899–1913 гг. 1996: О понимании; О Пушкине. Эссе и фрагменты / сост. В. Г. Сукач. М., 2000; Уединенное / под ред. В. Г. Сукача. М., 2002; Смертное / под ред. В. Г. Сукача. М., 2004.

Лит.: Голлербах Э. Ф. В. Розанов: Жизнь и творчество. Пг., 1922. (переизд. 1990); Спасовский М. М. В. В. Розанов в последние годы его жизни. Нью-Йорк, 1968; Crone A. Rozanov and the End of Literature. Polyphony and the Dissolution of Genre in Solitaria and Fallen Leaves. Wurzburg, 1978; Синявский А. Д. «Опавшие листья» В. В. Розанова. Париж, 1981; Николюкин А. Н. Писатель нетрадиционного мышления. М., 1991; Фатеев В. А. В. В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991; В. В. Розанов: Pro et contra (Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей): в 2 т. / подгот. В. А. Фатеев. СПб., 1995; Розанова Т. «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В. В. Розанове. М., 1999; Курганов Е., Мондрус Г. Василий Розанов и евреи. СПб., 2000; Василий Розанов: Исследования и материалы // Литературоведческий ж. 2000. № 13/14. Ч. 1–2; Николюкин А. Розанов. М., 2001. (ЖЗЛ); Фатеев Валерий. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. СПб.; Кострома, 2002; Болдырев Н. Семя Озириса или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. [Челябинск], 2003.

В. А. Фатеев

РОЗОВ Виктор Сергеевич [8(21).8.1913, Ярославль — 28.9.2004, Москва] — драматург.

Родился в семье бухгалтера. В г. Костроме окончил школу, работал на местной текстильной фабрике, учился в индустриальном техникуме, но после 1-го курса ушел из него. Увлечение театром привело юного Р.

В. С. Розов

на сцену Костромского ТРАМа (Театр рабочей молодежи), затем ТЮЗа (Театр юного зрителя), где он сыграл несколько главных ролей (Фигаро, Скапена). В 1934 поступил в училище при московском Театре Революции (класс М. И. Бабановой), по окончании которого стал актером этого театра. В начале войны ушел в народное ополчение Красной Пресни, был тяжело ранен и отправлен на длительное лечение в тыл. Год, проведенный в госпиталях Владимира и Казани, обогатил Р. ценными встречами и наблюдениями, знанием мн. людских судеб и жизненных ситуаций. Тогда же созрело и его окончательное решение о выборе лит. пути. После выздоровления Р. поступил на заочное отделение Лит. ин-та им. М. Горького в Москве и по свежим впечатлениям фронта написал первую пьесу «**Семья Серебряйских**» (1943). Попытка предложить ее передвижному театру, где работал Р., не дала результата. 13 лет пьеса оставалась неизвестной для читателя и зрителя. Впервые она была опубликована в 1956 под названием «**Вечно живые**». В конце войны Р. оказался в Алма-Ате, куда был приглашен Наталией Сац в качестве режиссера и актера созданного ею Казахского театра для детей и юношества. Здесь он поставил 2 спектакля («Осада Лейдена» и «Снежная королева»), а также инсценировал («для себя») роман И. А. Гончарова «Обыкновенная история».